

СЕМАНТИЗАЦИЯ ВЕРЫ И ФАНАТИЗМА В ПАРАДИГМЕ ИНАКОСТИ

Е.Ю. Кислякова

В статье освещается проблема дефинирования смежных понятий *веры* и *фанатизма* и предлагается их интерпретация с позиции коммуникативной категории инакости. В результате понятие *вера* уточняется такими семантическими конкретизаторами как обязательное наличие Другого как основа духовного роста, любовь к Богу и ближнему; понятие *фанатизм* конкретизируется отношением к Другому как к объекту: Другой как жертва, способ достижения цели, и как следствие этого, коснение в грехе и духовной лени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вера, фанатизм, семантический признак, конкретизатор, инакость, Другой

КИСЛЯКОВА Евгения Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. kisjen@rambler.ru

Цитирование: Кислякова Е.Ю. Семантизация веры и фанатизма в парадигме инакости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 65–76. Режим доступа: www.tverlingua.ru

SEMANTIC STRUCTURING OF FAITH AND FANATISM IN THE PARADIGM OF ALTERITY

Evgenia Y. Kislyakova

The article focuses on the issue of defining the notions of *faith* and *fanatism* by means of interpreting them via the communicative category of alterity. As a result, the notion of *faith* is specified by the obligatory existence of the Other as a basis of spiritual growth, love for God and the people around you; the notion of fanatism is specified by the attitude to the Other as an object: the Other as a sacrifice, a means of achieving one's own goals, and thus, leading to a sinful life and idle spirit.

KEY WORDS: faith, fanaticism, semantic determiner, specifier, alterity, the Other

KISLYAKOVA Evgenia Y. – candidate of Philology, docent at the Department of the English Language and Methods of Teaching, Volgograd State Social Pedagogical University. kisjen@rambler.ru

Citation: Kislyakova E.Y. Semantic structuring of faith and fanaticism in the paradigm of alterity // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 3. P. 65–76. Access mode: www.tverlingua.ru

Данная статья посвящена проблеме смежных понятий *вера* и *фанатизм* в русском языковом сознании и их семантической конкретизации с позиции коммуникативной категории инакости в парадигме составляющих ее параметров.

В коммуникативном сознании носителей языка выделяются особые ментальные единицы – коммуникативные категории, разработкой содержательной стороны которых занимаются такие исследователи, как И.А. Стернин, В.И. Шаховский, Т.В. Ларина, Е.П. Захарова, Н.Н. Панченко, С.С. Тахтарова, С.А. Недобух и др.

Вслед за Е.П. Захаровой (Захарова, 2000), мы рассматриваем коммуникативную категорию как единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Основной функцией коммуникативной категории является регулирование процесса коммуникации.

Ранее нами было установлено, что инакость как феномен объективной действительности является категорией (Кислякова, 2011), т.е. базовой ментальной единицей, интегрирующей другие субординатные ментальные единицы. Лингвистическое описание инакости позволяет установить ее репрезентированность в русском языке (более 200 единиц), что подтверждает категориальный статус исследуемого феномена, свидетельствует, что данная

категория является значимой для процесса мышления, а также устойчивой в ментальном аспекте, поскольку имеет обширные языковые средства объективации.

В философии инакость определяется как взаимоотношение одного и другого (Новейший философский словарь, 1998). В филологических исследованиях данная категория представлена как отражающая взаимодействие Я и Другого (Половцев, 2008). На наш взгляд, инакость является эвристическим категориальным понятием, под которым мы понимаем общенаучную категорию субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции “Я – Другой”, реализуемых на следующих уровнях:

- 1) отдельного индивида (проблема идентичности);
- 2) диалога Я и Ты (проблема взаимопонимания);
- 3) социума (проблема множественности и вариативности нормы);
- 4) взаимодействия культур (проблема этнокультурных различий).

Как было выявлено нами ранее, в коммуникации категория инакости актуализируется посредством одного из ее параметров: единство – множественность (многообразие), тождественность – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность (возможность) (Кислякова, 2012).

В данном исследовании мы исходим из следующей гипотезы: понятия *веры* и *фанатизма* имеют общий семантический признак, но его конкретизация в каждом из понятий различна; это различие можно интерпретировать в терминах категории инакости при соотнесении семантических множителей сравниваемых понятий с тем или иным параметром инакости, а также при обнаружении имплицитного статусного характера Другого как субъекта или объекта в коммуникативных актах веры и фанатизма.

Обратимся к дефинированию анализируемых понятий в современных лексикографических источниках. По данным сайта <http://dic.academic.ru> *фанатизм* представлен более, чем 60 определениями, в то время как *вера* – более, чем 90, что указывает на большую актуализацию второго феномена в русскоязычном сознании. У обеих лексем обнаруживается общий семантический признак – убежденность, преданность какой-либо идее. Помимо этого, выявленные семантические множители сопоставляемых понятий довольно часто совпадают: так, и *фанатизм* и *вера* могут определяться через такие эпитеты, как *пламенный, слепой, безрассудный, абсолютный*; кроме этого, в семантизации данных понятий одинаково присутствуют такие семные конкретизаторы, как *отсутствие критичности, колебания и всякого сомнения, безусловное признание чего-то недоказуемого как истинного*. В современной науке *вера* признается психологической основой *фанатизма*, последний является следствием слепой веры. Именно в этой точке знания возникает вопрос: где же тогда язык проводит грань между данными понятиями? Думается, что ответ на этот вопрос можно найти в рассмотрении *веры* и *фанатизма* в модусе инакости, при котором семантические характеристики данных понятий будут уточнены посредством статусной роли Другого и отношения к нему с позиции субъекта Я.

Во-первых, Другой в вопросах веры и фанатизма может быть представлен высшими силами – Богом или сверхъестественными силами, иначе говоря, миром невидимым; во-вторых, Другой – это ближний, который может разделять твои убеждения и верования или нет. В результате анализа всех доступных нам семантических множителей лексем *вера* и *фанатизм* из словарей вышеупомянутого сайта, мы пришли к выводу, что конкретизация общего для них семантического признака может быть сконструирована на основе параметров категории инакости, которые выступают в функции маркеров *веры* или *фанатизма* в коммуникации.

Таблица 1. Семантемы понятий

вера и фанатизм в параметрической модели инакости

Вера	Фанатизм
<p>1) единство-множественность <i>одна из главных христианских добродетелей; модус духовности человека; акт <u>свободного</u> (подчеркнуто мною – Е.К.) принятия системы высших ценностей, ориентированной на идеальное преобразование жизни (без уточнения, каких именно, т.е. из множества вариантов – Е.К.);</i></p>	<p><i>исступление, страстная преданность вере, крайняя нетерпимость к инаковерующим; непоколебимая и отвергающая альтернативы приверженность некоторым убеждениям (т.е. никакого плюрализма мнений и вариантов убеждений не принимается – Е.К.);</i></p>
<p>2) тождество-подобие <u>внутреннее, субъективно</u> <i>непреложное убеждение; духовная способность <u>человеческой души непосредственно</u> знать сокровенные слои бытия, мистически пребывать в средоточии познаваемого предмета и интуитивно постигать сущности (подчеркнуто и выделено мной – Е.К.)</i></p>	<p><i>культ деятельности, поклонение и растворение в группе единомышленников (форма и образ мышления единообразны, тождественны друг другу, как будто отштампованные – Е.К.);</i></p>
<p>3) сходство-различие</p>	<p><i>проявление пафоса или служебного рвения (при желании выделиться среди других – Е.К.);</i></p>
<p>4) нормативность- ненормативность <i>глубокое, искреннее, пронизанное эмоциями принятие чего-либо, иногда предполагающее</i></p>	<p><i>изуверство, грубое суеверие, преувеличенное религиозное усердие, чрезмерная</i></p>

<p><i>определенные рациональные основания, но обычно обходящееся без них, уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о предметах высших, невещественных, духовных</i></p>	<p><i>привязанность, неистовство, ярь, раж, ярость, умоисступление, буйство, сумасбродие, полная поглощенность идеей или мировоззрением, <u>замест веры</u>, резко выраженная пониженная самокритичность, дикость (подчеркнуто мною – Е.К.)</i></p>
<p>5) свойственность-чуждость</p>	<p><i>своя истина, ненависть, готовность к насилию, преследование разномыслящих, <u>порождение войны</u> (подчеркнуто мной – Е.К.);</i></p>
<p>6) определенность-неопределенность состояние предельной заинтересованности, признание чего-либо <u>с решительностью и твердостью</u>, которые превышают убедительность логических и фактических доказательств и не зависят от них вопреки всем сомнениям (выделено и подчеркнуто мною – Е.К.), включает решимость исполнять волю Бога вопреки всем сомнениям;</p>	<p><i>догматизм, <u>слепое</u>, безоговорочное следование</i></p>
<p>7) реальность-гипотетичность твердая надежда, что ожидаемое произойдет, осуществление ожидаемого</p>	

По данным приведенной параметрической модели семантем *веры* и *фанатизма*, которые представлены в вышеприведенной таблице, можно сделать вывод, что в семантике *фанатизма* в отличие от *веры* актуализированы смыслы в рамках таких параметров инакости, как «сходство-различие», «свойственность-чуждость». Фанатик в крайне негибких установках сознания должен четко распознать как единомышленника, так и инаковерца; для фанатизма нет места такому пониманию иного, как множественность (многообразие, разноголосие, полифония Другого), о чем свидетельствуют представленные семемы в таблице.

С другой стороны, семемы, характеризующие *веру*, указывают на ориентированность на Другого, сферу иного в таких параметрах, как «единство-множественность», «тождество-подобие».

Оба понятия сходятся в параметре «определенность-неопределенность», в котором, несмотря на запредельные объекты веры и фанатизма, по сути относящиеся к сфере иного, преобладает определенность, уверенность, твердость как в чем-то непосредственно данном.

Обратившись к анализу коммуникативных актов веры и фанатизма, мы убедились, что инакость как категория коммуникации также имеет определяющее значение для процессов их осмысления и интерпретации. Так, статусная роль Другого как субъекта или объекта коммуникативного взаимодействия влияет на ход интеракции и определяет тот факт, окажутся ли коммуниканты в едином коммуникативном фокусе или нет. Приведем этому примеры.

В данном исследовании мы рассматриваем акты веры и фанатизма православных христиан. Рассмотрим пример, в котором преподобный Серафим Саровский поучает о величественной силе молитвы, основанной на чистой вере:

Когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся едиnorodного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще

от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверованной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!» - и воскресил его Господь (из беседы преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым) (Житие и наставления Серафима Саровского, 2013: 164).

Данный пример свидетельствует о том, что христианин утверждает в истинной вере через любовь к ближнему. При этом ближний как любой Другой может быть даже врагом: *Любите врагов ваших (Мф. 5: 44).* Категория инакости также имплицитно выражается в нижеследующем примере через языковое средство *добрые дела*, которые христианин совершает ради Другого: как Господа Бога, так и ближнего:

По ап. Павлу, вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Без веры невозможно угодить Богу (Евр. 11: 1, 6). Но с верою должны быть неразлучны и добрые дела, иначе – вера без дел мертва (Иак. 2: 20).

Именно в рамках категории инакости осознаются такие признаки *веры* как *живительная вера* и *благодатная вера*. В своем знаменитом «Завещании князю Изяславу» Федосий Печерский писал: *если мы видим человека нуждающегося, то, какой бы веры он ни был, каких бы взглядов ни придерживался, мы должны накормить его и напоить, помочь всем, чем только возможно. Поэтому «блажен человек, который всякого равно любить может» (Православие 2017 web). В любви становятся все равны и едины: нет ни иудея, ни эллина, ни мужеска пола, ни женского, но везде во всех Христос (ср.: Кол. 3: 11), потому что Христос исходит из души любящего человека.*

По признанию священнослужителей, вера в Бога – это не просто признание, что Бог действительно есть. В акте подлинной веры в Бога есть живое ощущение присутствия Божия, когда ты всем своим существом

чувствуешь, что Господь рядом с тобой и у тебя есть возможность обратиться к Нему – Он услышит и ответит, потому что Он есть Любовь (Православие 2017 web). То есть в определении *веры* православного христианина Бог – это не судья, наблюдающий со стороны, а непосредственный Участник коммуникативного взаимодействия, которое проявляется в особой сердечной связи. При таком понимании *вера* – это очевидность, поскольку человек чувствует Бога всем своим существом, а не просто признает рассудком, поэтому благодаря такому коммуникативному опыту *вера* получает такие дескриптивные признаки, как *горячая, крепкая, пламенная* и др.

Православие осуждает фанатизм среди христиан, т.к. фанатизм – это отсутствие любви к Другому: *«Кто без рассуждения кидается словами, пусть даже и правильными, тот делает зло»* (Старец Паисий Святогорец). Фанатизм не учитывает духовной меры Другого, Другой становится объектом манипуляций, а не равноправным участником общения.

Очень подробно об актах фанатизма в православии рассуждает о. Михаил Михайлов на сайте Православие и мир. В частности, некоторые считают, что намного более духовно положить определенное количество поклонов или прочитать столько-то акафистов, чем помочь ближнему. Увидев, что, например, пожилой соседке некому принести хлеба или молока, сделать это – намного более сложно, чем прочитать от начала до конца весь молитвослов. Или, например, бросить дома больного, которому нужна постоянная помощь, и уйти на длинную службу в храм. Фанатизм, заключающийся именно в отсутствии любви, проявляется в том, что нам удобнее и проще для себя пойти на службу, прикрывая мнимым благочестием нежелание ухаживать за больным (Православие и мир 2017 web).

Очень опасно искать «места, где святее». Мы не должны делить благодать: там благодати 100% попало, здесь 15%, тут 25%. От воцерковленных людей можно услышать: *«Ой, да в том храме святых*

вообще нет, там все батюшки безблагодатные»; «Эта икона более мироточивая и более намоленная»; «Там батюшка более прозорливый, а тут более молитвенный». О. Михаил предупреждает, что подобный фанатизм, при котором внешняя форма более значима, чем духовное содержание веры, не просто греховен, но, вообще, антихристианский по сути (Православие и мир 2017 web).

Напрашивается вывод, что инакость, обнаруживаемая в человеческой коммуникации в уникальной неповторимости каждого Другого по отношению друг к другу, принимается как данность в актах веры и, как правило, низвергается в актах фанатизма, в которых Другой может стать жертвой во имя Бога (Академик 2017 web) – например, нарочитое поучение других, в результате которого наступает неприятие православного учения. Особое место занимает фанатизм некоторых родителей, которые заставляют маленьких детей длительное время пребывать на церковной службе. Ребенок может устать, закапризничать, но мать ведет себя так, будто бы ничего не происходит. Какие воспоминания останутся у ребенка от богослужения? Что храм – это место, где душно, где надо долго стоять и откуда хочется скорее на улицу. Иногда родители перекалывают ответственность за собственное покаяние на детей, желая вырастить из них праведных христиан, чтобы те отмаливали бы их грехи. Это – результат духовной лени и духовного обеднения, которые приводят к коснению в грехе (Православие и мир 2017 web).

Подведем итоги. Материал проведенного исследования показал, что в *фанатизме* преобладают конкретизаторы, относящиеся к сфере Я, мое, свое; в понятии *веры* – к семантическому полю Другой, который может быть представлен Богом, ближним, любимым Другим и даже врагом. Грань между *фанатизмом* и *верой* проходит в рамках категории инакости и обнаруживается в равноправном субъектно-субъектном взаимоотношении Я и Другого, что в православии выражается в любви к Другому. В результате понятие *вера* уточняется такими семантическими конкретизаторами как

обязательное наличие Другого как основа духовного роста, любовь к Богу и ближнему; понятие *фанатизм* конкретизируется отношением к Другому как к объекту: Другой как жертва, способ достижения цели, и как следствие этого, коснение в грехе и духовной лени. Следует отметить, что практически ни один из выделенных нами конкретизаторов не зафиксирован различными словарями, представленными на сайте www.dic.academic.ru (Академик 2017 web).

Полученные в ходе исследования результаты полезны для разработки концепции инакости как коммуникативной категории, поскольку они являются подтверждением методологической значимости данной категории при анализе семантических и функциональных особенностей единиц языка.

Ссылки – References in Russian

Академик 2017 web – *Академик* // <http://dic.academic.ru>

Житие и наставления Серафима Саровского, 2013: 164 – *Житие и наставления Серафима Саровского* / авт.-сост. Е.А. Андрианова. Ростов н/Д: Планета книг, 2013.

Захарова, 2000 – *Захарова Е.П.* Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 12–19.

Кислякова, 2011 – *Кислякова Е.Ю.* Инакость в системе лингвистических категорий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011. № 7. С. 7–11.

Кислякова, 2012 – *Кислякова Е.Ю.* Параметры коммуникативной категории *инакости* // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. / сост.: А.В. Простов, Н.Н. Остринская и др. Волгоград, 2012. С. 185–191.

Новейший философский словарь, 1998 – *Новейший философский словарь* / Сост. А.А. Грицанов. Мн., 1998.

Половцев, 2008 – *Половцев Д.О.* Проблема инаковости в творчестве Э.М. Форстера: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2008.

Православие 2017 web – Православие // <http://www.pravoslavie.ru>

Православие и мир 2017 web – Православие и мир // <http://www.pravmir.ru>

References

Academic (2017) // <http://dic.academic.ru> (in Russian).

Kislyakova, E. (2011) Alterity in the system of linguistic categories // *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University. Philological studies.* № 7, pp. 7–11 (in Russian).

Kislyakova, E. (2012) Parametres of the communicative category of alterity // *Communicative aspects of contemporary linguistics and linguodidactics* / ed. A. Prostov, N. Ostrinskaya and others, Volgograd, pp. 185–191 (in Russian).

Life and preaching of Seraphym Sarovsky (2013) // ed. E.A. Andrianova, Rostov-on-Don (in Russian).

Orthodoxy (2017) // <http://www.pravoslavie.ru> (in Russian).

Orthodoxy and the world (2017) // <http://www.pravmir.ru> (in Russian).

Polovtsev, D. (2008) *Alterity in the works by E.M. Forster: PhD thesis*, Minsk.

The newest philosophical dictionary (1998) / ed. A.A. Gritsanov, Minsk.

Zakharova, E. (2000) Types of communicative categories // *Issues of verbal communication: a collection of scientific articles*, Saratov, pp. 12–19 (in Russian).